

А.Б.Софян

МУЧЕНИЧЕСТВО И ИСПОВЕДНИЧЕСТВО: СИНОНИМЫ ИЛИ РАЗНЫЕ СТЕПЕНИ ОДНОГО ПОДВИГА?

Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, Санкт-Петербург

This article is devoted to the problem of meaning of the words «martyr» and «confessor», which often appear in Early Christian literature and modern studies. Based on the works of some Christian writers and Acts of martyrs, the author proves that «martyrdom» and «confession» were the different degrees of one feat, that is an evidence of one's faith.

Вопрос о смысле и значении мученичества и исповедничества возник уже во второй половине II в. во время гонения в Галлии. Впервые эти два термина разделяются в письме Галльской Церкви к церквам в Малой Азии, где сообщается, что арестованные христиане запрещали называть их мучениками, говоря о себе: «мы просто исповедники ничтожные» и отдавая звание мучеников уже казненным христианам (Eus. HE, V, 2, 2-3) [1]. Из их слов выходит, что мучениками считали тех, кто уже был казнен за веру или умер во время пыток; те же, кто еще был жив, могли рассчитывать не более чем на звание исповедника. Различие между положением мученика и исповедника прослеживается и в «Пастыре», сочинении, которое Иероним Стридонский в своем труде «О знаменитых мужах» приписывает Ерму, упоминаемому апостолом Павлом (Hieron. Vir. ill., 10) [2]. В одном из видений автор описывает людей, получавших от ангела ветви ивы, а затем отдававших их обратно в разном состоянии. Некоторых из этих людей ангелы вводили в сверкающую башню, украсив их головы венцами. Среди них выделяются те, кто отдавал зеленые ветки с побегами и плодами, — «те, которые, соблюдая Закон, пострадали за него», и такие, которые возвращали зеленые ветки с побегами, но без плодов: «те, которые, хоть и потерпели мучение за тот Закон, но не вкусили смерти и не отрелись от своего Закона» (Simil., 8, 3) [3]. Хотя в данном отрывке они не названы ни мучениками, ни исповедниками, ни каким-либо другим именем, разница в их статусе очевидна: смерть за веру считалась истинным ее плодом.

Решение вопроса о соотношении понятий «мученик» и «исповедник» может помочь прояснить некоторые другие проблемы, связанные с изучением феномена мученичества в раннем христианстве, такие, как признание или непризнание тех или иных христианских святых мучениками, вопрос о количестве мучеников во время гонений во II, III и IV вв., исходя из чего можно говорить о степени жестокости того или иного гонения.

Для Э.Ренана, по-видимому, нет существенной разницы между званиями мученика и исповедника, и его нимало не смущает в данном случае намек лугдунских (лионских) мучеников на то, что лишь те имеют право на это звание, кто был «восхищен» смертью во время своего исповедания или пыток. Так, пытаясь доказать, что Веттию Эпагату, адвокату-христианину, «принадлежит вся заслуга мученичества, хотя он и не подвергся ему в действительности»,

он выражает свою убежденность следующими словами: «если бы Веттий Эпагат разделил участь прочих исповедников, то неужели о нем не упомянули бы впоследствии?» [4]. Напротив, английский историк христианства Уильям Френд, замечая, что Эпагат в действительности погиб, проводит четкую границу между понятиями «мученик» и «исповедник», опираясь в основном на текст послания Галльской Церкви [5].

В.В.Болотов, упоминая о проблеме мученичества и исповедничества, утверждает, что за этими понятиями стоят различные степени подвига: «омологи (на древнегреческом языке «ομολογήτης» — «исповедник») говорят скромно общеизвестное, но μάρτυς («мученик», «свидетель») берет подвиг доказывать новую истину» [6]. В таком случае, оказывается, мученик, объявлявший себя простым исповедником, проявлял также смирение и веру, похвальные и без его основного подвига — страданий за Христа.

Интересное замечание высказал в одном из своих трудов А.П.Лебедев. Основываясь на «Правилах церковных» св. Ипполита Римского, он пишет, что «героизм мучеников делал их пресвитерами». Иными словами, для Лебедева вполне возможны живые мученики, причем ученый определяет их как таких людей, «которые в языческих судилищах претерпели истязания за имя Христово», в отличие от исповедников, которые не испытали мучений, хотя и исповедали веру. Более того, ссылаясь на те же «Правила», Лебедев указывает на различие в положении и правах мученика-раба и свободного, первый из которых рукополагается в пресвитерство в отличие от второго, на которого руки не возлагались, и, наконец, пишет: «С мучеником из рабского звания до известной степени уравнивался «исповедник» свободного сословия» [7].

Но против уравнивания этих двух степеней говорят следующие факты. Во-первых, Ипполит написал свое сочинение не раньше 215 г., а Киприан Карфагенский в 24-м письме, написанном не позднее 251 г., проводит такую резкую границу между мучениками и исповедниками, что истолковать его слова иначе представляется невозможным: «Когда к ревностному исповеданию в темнице и в узах присоединяется и смерть, то слава мученика совершилась» (Сург. Ер., 24) [8]. Могло ли суждение по такому важному вопросу измениться в столь короткий срок — менее чем за сорок лет? Во-вторых, упомянутые Лебедевым «Правила Ипполита» появились около V в. и основны-

ваются на «Апостольском предании» [9], а в девятой главе данного сочинения, где говорится о возложении рук при посвящении в пресвитерское звание, нет разделения на мучеников из рабов и из свободных; в ней вообще не говорится о мучениках, а только об исповедниках, которые разделяются на тех, кто исповедал веру перед властями и понес за это наказание от судьи, и на тех, кто испытал на себе гнев своих домашних, не обязательно хозяев, но и родителей и мужей, и остался в живых.

Итак, между мученичеством и исповедничеством проходит черта, переступить которую означает умереть. Только переступив ее, можно удостоиться звания мученика и почестей, связанных с ним. В произведениях христианских писателей мучениками назывались лишь погибшие за веру, а если требовалось назвать как-то христиан, выживших после своего свидетельства веры, то использовалось слово «исповедники». Киприан, обращаясь к клиру в одном из своих писем, просит отмечать «дни отшествия исповедников из сей жизни, дабы мы, совершая память мучеников, могли вспоминать и о них» (Сург. Ер., 24). Тем самым он указывает на различие между исповедниками, еще жившими какое-то время после своего подвига, и мучениками, а в письме к живым еще собратьям по вере, заключенным в тюрьмах и сосланным на рудники, он практически ни разу не называет их «мучениками» (Сург. Ер., 64). Ипполит Римский в «Апостольском предании», говоря о том, в каких случаях следует и в каких не следует возлагать руки на христиан, получающих сан пресвитера или епископа, упоминает именно об исповедниках (Hipp. Ap. Trad., 9) [10]. Правда, Тертуллиан в своем послании «К мученикам» называет их именно мучениками, а не исповедниками (Tert. Ad mart., 1) [11], и точно так же в своем восьмом письме называет еще живых христиан Киприан, но это слово они употребляют, вероятнее всего, потому, что уже знают о будущем своих адресатов, а это будущее — мученический венец. Ведь в III в., особенно со времени гонения Деция, из-за политики правительства, стремившегося добиться исполнения указа о жертвоприношении, количество погибших за веру по сравнению с предыдущими гонениями уменьшается, а число оставшихся в живых после выпавших на их долю страданий возрастает [12]. Поэтому в сочинениях некоторых христианских авторов, в том числе и Киприана, появляется дополнительный, хотя и не опровергающий основного, смысл понятия «мученик»: теперь мученики — это не только те, кто, вытерпев страдания, умер или был казнен, но и те, кто, еще живя на этой земле, претерпели уже пытки. Будут ли они «увенчаны», это Киприану неизвестно, но он всей душой надеется на это и просит своих адресатов дойти до конца в своем подвиге (Сург. Ер., 8).

Некоторые современные ученые, по-видимому, разделяют точку зрения, согласно которой мученичество и исповедничество не различаются. Так, например, Стюарт Холл в своей статье «Женщины среди раннехристианских мучеников» утверждает, что живые мученики — вполне возможное явление: исповедники и мученики — это одно и то же, пишет он, основываясь на отрывке из письма Дионисия Алек-

сандрийского антиохийскому епископу Фабию (Eus. HE, VI, 42, 5) [13]. Остановимся подробнее на этом отрывке. Он гласит:

«А эти наши божественные мученики, которые ныне восседают вместе с Христом, причастны Его Царству, участвуют в суде Его и вместе с Ним выносят решения — они вот взяли под защиту павших братьев, которым надлежало держать ответ в принесянии жертв. Видя их обращение и раскаяние, уверенные, что оно может быть принято Тем, Кто вообще хочет не смерти грешники, а его покаяния, они приняли их, собрали воедино, вместе с ними молились и вкушали пищу.

Что относительно их посоветуете, братья? Что нам делать? Будем ли согласны и единомысленны с ними, соблюдем их милостивый суд и дружелюбно отнесемся к тем, кого они пожалели, или же сочтем их суд несправедливым и поставим себя судьями над ними? Оскорбим их доброту и отменим приказ?»

Очевидно, именно этот милосердный суд над падшими и имеет в виду Холл, когда пишет, что мученики явно живы, когда вершат его. Но этот отрывок вовсе не дает оснований считать, что они выжили после гонения. Дионисий, будучи членом ортодоксальной церкви, скорее всего, разделял общие взгляды на мученичество и исповедничество, и он не назвал бы персонажей процитированного нами письма мучениками, если бы не был уверен, что они погибли во время гонения. В противном случае он назвал бы мучеником и юношу Диоскора, которого судья помиловал из жалости к его почти детскому возрасту, однако он его так не называет (Eus. HE, VI, 41, 19-20). Тот же Дионисий, уже во время своей ссылки, в одном из писем говорит о еще живых христианах, которым помогал один из единоверцев. И здесь мы еще яснее видим то различие, которое существовало между мучениками и исповедниками: «Евсевию Господь с самого начала послал сил и приготовил его мужественно служить исповедникам, находящимся в темнице, и погребать — с опасностью для себя — тела совершенных и блаженных мучеников» (Eus. HE, VII, 11, 24). Ясно, что Дионисий и в годы гонения Деция проводил такую же четкую границу между исповедниками и мучениками, едва ли его взгляд на столь важный вопрос переменялся всего за несколько лет. Холл, однако же, не приводит этого отрывка в своей работе.

В то же гонение при Деции был схвачен и подвергнут всем возможным пыткам известный александрийский епископ Ориген. Несмотря на мучения, он не совершил жертвоприношения и остался в живых, так как «судья всей силой власти своей воспротивился казни» (Eus. HE, VI, 39, 5). Его пример иллюстрирует связь и различие понятий «мученик» и «исповедник» в ранней Церкви: претерпев все возможные страдания, он, однако, не был включен в число мучеников и считается исповедником [14].

Киприан Карфагенский, отделяя исповедничество от мученичества, пишет: «Исповедание есть только приступ к славе, а не достижение уже венца: оно не заканчивает подвига, а только предначинает достоинство», — и далее предупреждает о том, что исповедник должен быть еще более осторожен после вступления на этот путь, ведь «после исповедания предлежит и

большая опасность, потому что тут более раздражен враг» [15]. Ясно, почему Киприан не обращается с подобными наставлениями к мученикам: они уже получили свои венцы; к тому же, если мы обратимся к другим его сочинениям, то обнаружим и прямое указание на разницу положения и сущность подвига исповедника и мученика. Так, например, в книге «О смертности», в которой карфагенский епископ убеждает свою паству не бояться смерти от чумы, он отмечает: «Как тогда предусмотрено было Богом злое помышление и пагубное предприятие, так и теперь в рабах Божиих, готовых к исповеданию и к понесению мученичества» [16]. А в книге «О падших» исповедники и мученики упоминаются вместе, отчего еще более явной оказывается разница между ними: «...эти небесные венцы мучеников, эти духовные отличия исповедников...» [17].

Если бы мученичество и исповедничество имели одно и то же значение, эти понятия не различали бы ни лугдунские мученики, ни отцы Церкви, писавшие «о мучениках» и «к исповедникам». Доказательство этого различия мы видим и в описаниях христианских мученичеств, где они сами, хотя, быть может, и не отдавая себе в этом отчета, подтверждают, что мученика отличает от исповедника завершенность подвига. Так, в «Мученичестве Мариана и Иакова» последний из упомянутых перед смертью в рассказе о своем сне говорит: «Отправляюсь на пир к Агапию и другим блаженным мученикам» (Pas. Mariani, 11, 3) [18]. За несколько строк до этого сказано, что вышеупомянутый Агапий «давно уже через мученичество достиг совершенства» (Pas. Mariani, 11, 1) вместе с двумя другими женщинами. В этом же сне Иакову предсказывается, что на другой день он умрет.

Примечательно, что мучениками считались не только те, кто был казнен или погиб от огня или когтей диких животных, но и те, кто умер, находясь в темнице. Так, в мученичестве святых Монтана и Луция упоминаются Донатиан и Примул, умершие в заточении почти сразу после крещения. Их, возможно, еще не успели подвергнуть пыткам, и тем не менее о Донатиане было написано, что он «отошел в темнице сразу после крещения, спеша по своему чистому и незапятнанному пути от крещения водой к венцу мученика» (Pas. Mont., 2, 1) [19].

В то же время не все, заявившие о своей вере, приравнивались к исповедникам, перенесшим за это тюремное заключение и пытки. К ним не причислялись, как мы видим, например, у Ипполита Римского, те, кто претерпел домашнее насилие мужей и отцов (жены и дети) и хозяев (рабы) (Hipp. Ap. Trad., 9). Вероятно, именно бытовое исповедание имело в виду церковными писателями и некоторыми учеными, утверждавшими, что гонение на христиан никогда не прекращалось. Действительно, не было необходимости дожидаться императорского эдикта или вспышки народной ярости, чтобы произнести свидетельство своей веры перед отцом, мужем или хозяевами.

В связи с этим возникает еще один вопрос: приравнивалась ли гибель от рук супругов, хозяев или родителей к мученичеству, которое претерпевали от рук палачей или в темницах? С.Холл в своей статье пишет, что, возможно, «было много рабов обоих

полов, которые пострадали или умерли за веру почти неизвестными, не воспетыми как мученики и не признанными как исповедники» [20]. Действительно, весьма часто указываемое в актах и пассионах число мучеников, названных поименно, составляет в лучшем случае половину, а то и меньшую часть всех тех, кто пострадал вместе с ними за свою веру от рук палача. Так, в том же мученичестве Мариана и Иакова многие мученики даже не называются по имени, и даже сам Иаков не помнит имен тех, кто удостоился мученичества раньше его (Pas. Mariani, 11, 5). Если мы не знаем имен большинства казненных, что же говорить о том, несомненно, гораздо большем количестве мучеников и исповедников, которые стали жертвами домашнего насилия. В сочинениях и письмах отцов Церкви о них упоминается крайне редко.

Но даже на этом уровне граница между мученичеством и исповедничеством проводилась весьма четко: Ипполит Римский не пишет о посвящении в сан мученика, а только исповедника, причем, если «исповедник не приводился к властям и не был заключен в оковы... но случайно был только наказан за имя Господа нашего и понес только домашнее притеснение, то... пусть возлагается на него рука» (Hipp. Ap. Trad., 9). (На исповедников, побывавших в тюрьме и свидетельствовавших о своей вере перед судьями, рука не возлагалась, так как считалось, что своим исповеданием они уже заслужили звание диакона или протодьякона. На таких исповедников рука возлагалась только в том случае, если они становились епископами (см. Hipp. Ap. Trad., 9)).

Таким образом, мученичество и исповедничество являлись разными степенями одного подвига — свидетельства о своей вере, но ни в коем случае не синонимами, как утверждают некоторые исследователи. Те, кто произносил свидетельство о своей вере, назывались исповедниками и оставались в этом звании, несмотря на все пытки, до тех пор, пока их исповедание не оканчивалось смертью: тогда и только тогда они превращались в мучеников. Это звание не мог получить христианин, который по воле Бога или из-за жалости судей остался в живых, — несмотря на все пытки, он оставался исповедником.

Различие между исповедниками и мучениками распространялось и на тех христиан, которые становились жертвами домашнего насилия, правда, в данном случае исповедники приравнивались к обычным христианам, ничем кроме добродетельной жизни себя не прославивших. «Домашние» мученики в большинстве своем оставались неизвестными.

1. Евсевий Памфил. Церковная история / Пер. с др.-греч. Санкт-Петербургской Духовной Академии СПб., 2003. С.198.
2. Иероним Стридонский. О знаменитых мужах // Творения блаж. Иеронима Стридонского / Пер. Киевской Духовной Академии. Ч.V. Киев, 1910. С.258-314.
3. Ерм. Пастырь / Пер. с др.-греч. А.Г.Дунаева и В.В.Асмус // Писания мужей апостольских. М., 2003. С.222-247.
4. Ренан Э. Марк Аврелий и конец античного мира / Пер. с франц. В.А.Обручева. Ярославль, 1991. С.170, прим.2.
5. Frend W.H.C. Martyrdom and persecution in the Early Church: A study of a conflict from the Maccabees to Donatus. Oxford, 1965. P.14-15.

6. Болотов В.В. Лекции по истории древней Церкви: В 4-х т. М., 1994. Т.II. С.8.
7. Лебедев А.П. Духовенство древней вселенской Церкви от времен апостольских до X века. СПб., 2003. С.76-77.
8. Киприан. Письма // Творения св. сщмч. Киприана, еп. Карфагенского. М., 1999. С.471.
9. Игумен Иларион (Алфеев). Священномученик Ипполит Римский // Отцы и учителя Церкви III в. / Сост. иером. Иларион (Алфеев). В 2-х т. М., 1996. Т.II. С.212.
10. Ипполит Римский. Апостольское Предание / Пер. прот. Петра Бубуруза // Там же. С.243-260.
11. Тертуллиан. К мученикам / Пер. Э.Юнца // Тертуллиан. Избр. соч. / Сост. и общ. ред. А.А.Столяров. М., 1994. С.273-276.
12. См., напр.: Болотов В.В. Лекции по истории древней Церкви. Т.II. С.121; Живов В.М. Святость: Краткий словарь агнографических терминов. М., 1994. С.34-35.
13. Hall Stuart J. Women among the early martyrs // Christianity in relation to Jews, Greeks and Romans / Ed. with an introd. by E.Ferguson. N.Y.; L., 1999. P.302.
14. Мейендорф И. Введение в святоотеческое богословие / Пер. с англ. Л.Волохонской. Киев, 2002. С.90.
15. Киприан. О единстве церкви // Творения... С.247.
16. Киприан. О смертности // Там же. С.301.
17. Киприан. О падших // Там же. С.210.
18. Passio Sanctorum Mariani et Jacobi // The Acts of the Christian martyrs / Introduction, texts and translation by Herbert Musurillo. Oxford, 1972. P.194-213.
19. Passio Sanctorum Montani et Lucii // Ibid. P.214-239.
20. Hall Stuart J. Op.cit. P.304.